

ИЗМЕНА

ХОРОШИЕ ЖЕНЫ
(НЕ) МОЛЧАТ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

**Измена. Хорошая
жена (не) молчит**

«Автор»

2026

Соболева У.

Измена. Хорошая жена (не) молчит / У. Соболева — «Автор»,
2026

Она просто не успела поднять голову. От бесконечных дежурств. От троек Маши. От выпускных экзаменов Ани. От счетов за дом. Не успела увидеть, что её мужчина — её сильный, её надёжный Игорь — задыхается рядом с ней. А потом случилась вспышка. Последняя. Самая страшная. Она стояла за дверью с бутылкой его любимого кьянти в руках. И слышала женский смех. А следом — его голос. Голос, который когда-то обещал ей вечность, теперь выносил приговор: с Леной всё кончено. Он разводится. Она отдала этому браку двадцать лет. Теперь ей предстоит узнать, что останется от неё самой, когда рухнет всё, ради чего она жила.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Игорь	15
Елена	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ульяна Соболева

Измена. Хорошая жена (не) молчит

Глава 1

Пи-и-и... Пи-и-и... Пи-и-и...

Этот звук — саундтрек моей личной преисподней. Бездушный, монотонный пульс чужой жизни, вбиваемый прямо мне в мозг. Иногда он срывается в панический, разрывающий барабанные перепонки визг, и тогда моя вселенная схлопывается до размеров операционного стола. В эти мгновения я — Бог. Или Дьявол. Я — последняя инстанция, тонкая мембрана между ледяным покоем небытия и судорожным, хриплым вдохом.

Сегодня метроном равнодушен. Пока.

Я стою над телом. Ему не больше двадцати пяти. Красив. Даже сейчас, когда его лицо — багрово-синяя маска, а тело — чудовищный пазл из сломанных костей. Байкер. Его выскребли из-под колес многотонной фуры. Шансов — ноль. Но «ноль» — это вызов. Моя специальность.

— Давление! Семьдесят на тридцать! Падает! — голос медсестры Ленки — тонкий, как лезвие скальпеля.

— Адреналин! Два кубика! Прямо в сердце! — команду я, и мой голос — лязг металла. Никаких эмоций. Эмоции убивают. Внутри меня — арктическая пустыня. Выжженная, стерильная.

Мои руки. Они — отдельная от меня сущность. В стерильных перчатках они порхают над раной, как два хищных, но послушных зверя. Вяжут узлы, сшивают сосуды, останавливают кровь. Запах паленой плоти от коагулятора смешивается с запахом железа. Я — функция. Я — безупречный механизм. Я — лучший врач экстренной помощи в этой проклятой больнице. Елена Викторовна Морозова. Сорок лет. Железная леди, как шипят за спиной сопляки-интерны. Глупцы. Они не знают, что железо не просто ржавеет. Оно крошится в труху. Изнутри.

— Стабилизируется! Девяносто на шестьдесят! Дышит! — выдыхает Ленка, и в ее голосе — благоговение.

Мальчик будет жить. Искалеченный, но живой. Я делаю шаг назад, позволяя ассистентам наводить порядок. Спина — сплошной гудящий нерв. Сутки без сна. Дешевый кофе из автомата плещется в желудке кислотой.

Снимаю перчатки, швыряю их в лоток. Они липкие от чужой крови и моего пота. Смотрю на свои пальцы. Длинные, тонкие. «Пальцы пианистки», — шептал когда-то Игорь, целуя каждый ноготок. Этими пальцами я до боли сжимала руль, когда ехала от него в тот вечер, чтобы не разрыдаться и не разбить машину о первый же столб.

Дверь в реанимацию распаивается с такой силой, что бьется о стену. На пороге — девушка. Совсем ребенок. С огромным, туго натянутым животом. Глаза — два черных колодца, на дне которых плещется первобытный ужас.

— Где он?! Где мой Саша?! ПУСТИТЕ МЕНЯ К НЕМУ!

Ленка бросается к ней, но та, как обезумевшая волчица, отшвыривает медсестру и рвется вперед. Она видит его. Видит, трубки, мешки с кровью. Ее лицо искажается гримасой такой нечеловеческой муки, что мне на секунду перехватывает дыхание.

Она падает на колени. Прямо на холодный, грязный кафель. И кричит. Нет, не кричит — воет. Дико, страшно, разрывая в клочья стерильную тишину моего мира.

— СА-А-АША! САШЕНЬКА! НЕ СМЕЙ! НЕ СМЕЙ УМИРАТЬ! СЛЫШИШЬ?!

Я подхожу, опускаюсь рядом, кладу ей руку на сотрясающееся плечо.

— Тихо. Успокойтесь. Он будет жить.

Она поднимает на меня безумный, залитый слезами взгляд. И ее слова быют меня под дых. С размаху. Вышибая воздух, ломая ребра.

— Я... я не успела... — шепчет она, захлебываясь рыданиями. — Мы утром так поругались... из-за какой-то дурацкой чашки... Он ушел, хлопнув дверью... А я... я не успела сказать ему, что люблю его! Я НЕ УСПЕЛА!

Не успела. Ничего. Ещё успеете.

— Скажете. Он очнется и вы все ему скажете.

Два слова. Два проклятых слова. Они взрываются в моей голове сверхновой. И осколки этого взрыва, острые, как хирургическое стекло, впиваются в мою память.

Вспышка.

Его кабинет. Запах дорогого парфюма и чужих духов. Она — молодая, длинноногая, смеющаяся. Ее рука на его плече. Не просто лежит — лежит по-хозяйски. Властно.

Я моргаю, пытаюсь сбросить наваждение. Передо мной — только плачущая девушка на полу реанимации.

— Все будет хорошо, — лгу я ей и себе. — Вы еще все ему скажете.

Вспышка.

Его губы на ее губах. Не целомудренный поцелуй. Голодный. Хищный. И его руки... его руки на ее талии. Те самые руки, которые обнимали меня после каждого дежурства. Те самые руки, которые держали наших новорожденных дочерей.

К горлу подкатывает тошнота. Я сглатываю вязкую слюну.

— Я... я не успела... — снова и снова повторяет девушка, как заведенная.

И ее шепот становится детонатором. Он запускает в моей голове чудовищную карусель.

Я не успела заметить, как его глаза подернулись скукой, когда я рассказывала о тяжелом пациенте. Вот он, сидит за ужином, смотрит в телефон, кивает невпопад.

Я не успела понять, почему он перестал называть меня «Леночка-белочка». «Елена, ты не видела мои ключи?» — холодный, отстраненный голос, режущий слух.

Я не успела спросить, почему он больше не хочет проводить выходные с нами, сбегая то на рыбалку, то на «срочную» работу. Вот он, стоит в дверях, уже одетый, виновато улыбается: «Малыш, прости, аврал».

Я не успела... Я просто, черт возьми, не успела поднять голову от своих бесконечных дежурств, от троек Маши, от выпускных экзаменов Ани, от счетов за дом и понять, что мой мужчина, мой сильный, мой надежный Игорь, задыхается рядом со мной.

А потом...

Вспышка. Последняя. Самая страшная.

Я стою за дверью. В руках — бутылка его любимого кьянти. Я слышу ее смех. А потом его голос. Голос, который когда-то обещал мне вечность. Голос, который выносит мне приговор.

— С Леной все кончено.

— Елена Викторовна! Елена Викторовна, вам плохо?

Голос Ленки вырывает меня из омута. Я все еще сижу на корточках. Моя рука на плече девушки дрожит. Мелко, противно, неконтролируемо. Я, у которой никогда не дрожат руки. Моё тело меня предаёт.

— Все в порядке, — мой голос — скрип ржавого железа. — Отведите ее в комнату отдыха. Дайте успокоительное.

Я поднимаюсь. Ноги — чугунные. Иду по коридору, как зомби. Мимо проплывают лица коллег, белые халаты, каталки. Мир стал двухмерным, звуки — глухими, как под водой. Я ничего не вижу. В ушах до сих пор стоит ее вой: «Я не успела!».

Моя смена окончена.

Захожу в свой кабинет. Маленькая каморка, мое единственное убежище. Бросаю ключи на стол. Они падают с оглушительным, неуместным звоном. Сажусь в старое, продавленное кресло и закрываю глаза.

Тишина.

Впервые за сутки — тишина. Но она не приносит облегчения. Она давит. Она заполнена невысказанными словами, непролитыми слезами, неумершими воспоминаниями. Год. Целый год я живу в этом персональном аду. Год я засыпаю одна в нашей огромной постели, на его половине, вдыхая его запах, который до сих пор хранит подушка. Год я учусь дышать без него. Хорошие жёны не плачут... они сгрызают губы до крови и воют в подушку.

Мой взгляд падает на стол. На большой белый конверт, который принес курьер еще днем. Он лежит, как саван на теле покойника. Я знала, что там. Но откладывать больше нельзя.

Руки не слушаются. Пальцы, которые час назад сшивали аорту, не могут подцепить край бумаги. Я разрываю конверт с животной яростью.

Внутри — документы. Бумага холодная. Как кожа мертвеца.

Я пробегаю глазами по сухому, юридическому тексту. «Морозов Игорь Александрович... Морозова Елена Викторовна... совместно нажитое имущество... отсутствие взаимных претензий...»

И в самом низу, в графе «Подпись истца», его размашистый, уверенный росчерк.

Морозов.

Подпись, которую я знаю лучше своей собственной. Подпись, которая когда-то стояла в нашем свидетельстве о браке под словом «муж». Теперь она стоит здесь. Под словом «истец».

Он подписал.

Он. Подписал.

Он поставил точку. Он вынес вердикт. Он нажал на курок.

Я смотрю на эту подпись, и мир вокруг меня перестает существовать. Исчезают стены кабинета, звуки больницы, гул утреннего города за окном. Остается только эта черная, наглая, уверенная линия на белой бумаге. Клеймо. Выжженное на моем сердце.

И боль.

Такая дикая, такая всепоглощающая, такая нечеловеческая, что я сгибаюсь пополам, хватаясь за грудь. Воздуха нет. Его просто нет. Легкие сжимает ледяной спазм. Я открываю рот, как рыба, выброшенная на берег, но не могу сделать вдох.

Железная леди сломалась.

Я сползаю с кресла на пол. Утыкаюсь лицом в холодный, пыльный линолеум. И впервые за год я позволяю себе сломаться.

Я вою.

Беззвучно, без слез, сотрясаясь всем телом в уродливых, мучительных рыданиях. Беззвучный, животный вой, рвущийся изнутри, ломающий ребра, разрывающий душу на кровавые ошметки. Вою от боли, от бессилия, от одиночества, от любви, которая продолжает жить в моем разорванном сердце, как ядовитый, неубиваемый паразит.

Он подписал.

Все кончено.

Окончательно.

Бесповоротно.

А я... я так и не успела сказать ему, что прощаю.

Или что никогда не прощу.

Я так ничего и не успела.

Глава 2

Цифры.

Ледяные осколки вечности. Бездушные, идеальные, как скальпели в руках бесстрастного хирурга. Они не пляшут — они маршируют по плазменной панели, выстраиваясь в колонны, графики, в безупречный строй моей лжи. Рост прибыли. Захват рынка. Индекс лояльности.

— ...таким образом, мы видим органический рост в пределах прогнозируемой дельты...

Я поднимаю руку, и мальчик, этот амбициозный щенок с горящими глазами, замолкает на полуслове. В комнате воцаряется звенящая тишина. Я даю ей повисеть, наслаждаясь тем, как она сгущается, становится вязкой от страха.

— «Органический рост», — повторяю я, и мой голос, тихий и ровный, заставляет их всех вжать головы в плечи. — Это слово, которое придумали неудачники, чтобы оправдать свое топтание на месте. Мне не нужен «органический рост». Мне нужно доминирование. Мне нужно, чтобы конкуренты выли от боли, когда мы будем сжирать их долю рынка. Переделайте. К утру. Все.

Я киваю, давая понять, что аудиенция окончена. Они выходят, не поднимая глаз. Победитель. Титан. Бог.

Я сижу во главе стола из стекла и стали, длинного, как эшафот. Мой кабинет — аквариум на сорок втором этаже, откуда Москва — просто карта под ногами. Игрушечные машинки, муравьи-люди. Отсюда, с высоты моего одиночества, все кажется ничтожным. Управляемым.

Но это ложь.

За стеклом — не город. За стеклом — ПУСТОТА. И она не снаружи. Она — это я. Злокачественная опухоль, которая сожрала мою душу, оставив лишь дорогую оболочку.

Год назад я думал, что задыхаюсь.

Вспышка.

Год назад. Я врываюсь домой, пьяный от триумфа. Мы подписали контракт века. Я — король мира. Я хочу кричать об этом, хочу, чтобы она разделила это со мной. А Лена сидит на кухне. Бледная, с темными кругами под глазами. Она только что со смены. Там умер ребенок.

— Лена! Мы сделали это! Я сделал! — кричу я с порога.

Она поднимает на меня свои серые, бездонные глаза, и в них нет ничего. Ни радости, ни гордости. Только вселенская, нечеловеческая усталость.

— У Ани завтра экзамен, а ты опять выпил, — говорит она тихо. — Игорь, пожалуйста, не шуми.

И в этот момент мой триумф превращается в пыль. Моя победа кажется пошлой, ничтожной на фоне ее ежедневной битвы со смертью. Я — муравей, который построил большой муравейник. А она — богиня, которая держит в руках чужие жизни. И в этот момент я ее возненавидел. Возненавидел за ее силу. За ее величие. За то, что рядом с ней я всегда буду просто... мужем. Функцией.

— Игорь Александрович, вы были великолепны.

Голос Анастасии вырывает меня из прошлого. Ее прикосновение — липкая паутина, от которой хочется содрать с себя кожу. Она подходит сзади, ее пальцы с хищным маникюром впиваются мне в плечи. Это не ласка. Это клеймо. «Мой».

Я дергаюсь, как от ожога.

— Настя, не надо.

Я вскакиваю, отхожу к окну. От ее духов тошнит. Запах приторной лжи и дорогих амбиций.

— Что случилось, милый? — она подходит, и в ее голосе больше нет придыхания. В нем — сталь. — Ты избегаешь меня. Ты обещал, что как только развод будет оформлен...

— Я ничего тебе не обещал, — отрезаю я.

Она усмехается. Холодно, зло.

— Ошибаешься. Ты обещал. Своими подарками. Поездками. Своим местом в совете директоров для моего папы. Ты думал, я просто красивая кукла, Игорь? Я — инвестиция. И я хочу получить свои дивиденды.

Я смотрю на нее и впервые вижу ее по-настоящему. Не молодую нимфу. А хищницу. Расчетливую, холодную стерву, которая увидела во мне не бога, а слабого, мечущегося мужика в кризисе. И вцепилась.

— Уйди, Настя, — говорю я тихо, но в этой тишине — взрыв. — Просто уйди.

Она фыркает и уходит, цокая каблуками. Дверь хлопает.

Я один.

Один в своем стеклянном гробу на вершине мира. Я сам запустил эту адскую машину, думая, что она везет меня к свободе. Я думал, эта подпись принесет мне покой.

Телефон на столе вибрирует. Не звонит — бьется в конвульсиях, как подстреленная птица.

Вадим (адвокат).

Имя на экране — это не буквы. Это четыре всадника Апокалипсиса.

Сердце не просто пропускает удар. Оно останавливается. Замирает. А потом взрывается тысячей игл. Я знаю.

Рука дрожит, как у последнего наркомана.

— Да.

— Игорь, все, — голос Вадима ровный, как линия на кардиомониторе мертвеца. — Морозова подписала. Документы в суде. Через месяц ты свободный человек.

Свободный.

СВОБОДНЫЙ.

Телефон выскальзывает из моих влажных пальцев.

Я победил.

Я добился своего.

Я свободен.

Слово бьет под дых, вышибая остатки воздуха. Я падаю в кресло, и мир вокруг меня взрывается, разлетаясь на миллиарды острых, как бритва, осколков.

Воздуха нет. Дорогой костюм вдруг становится смиренной рубашкой, удавкой. Я рву воротник, галстук. Не помогает.

Паника.

Липкая, холодная, животная паника накрывает меня с головой. Это не страх. Это УЖАС. Ужас человека, который сам перерезал трос, державший его над пропастью.

ЧТО Я НАДЕЛАЛ?!

ГОСПОДИ, ЧТО Я НАДЕЛАЛ?!

Перед глазами — не картинки. Перед глазами — жизнь, которую я убил.

Лена, совсем молодая, смеется, запрокинув голову. Мы в нашем первом съемном углу, и у нас нет ничего, кроме любви.

Она, измученная, но счастливая, протягивает мне крошечный сверток. Аня. Наша первая дочь. И я реву, как мальчишка, от нежности.

Жизнь. Настоящая, теплая, полная смысла жизнь.

Я закрываю глаза, но они там, они повсюду! Я не просто развелся с женой. Я стер себя из их жизни. Я вырвал с корнем восемнадцать лет, которые были единственным настоящим, что у меня было.

Ради чего?!

Я смотрю вокруг. Моя империя. Стекло, сталь, кожа. Все это — просто декорации. Дорогие, бессмысленные декорации в театре одного актера, который только что сыграл свою последнюю, самую провальную роль.

Я получил то, чего хотел.

Я свободен.

Я один.

Абсолютно, тотально, бесповоротно один.

Пустота в груди взрывается, превращаясь в черную дыру, которая засасывает остатки моего мира. Я наклоняюсь вперед, упираюсь локтями в колени, обхватываю голову руками. В ушах стучит кровь — похоронный барабан.

Я просто сижу в темноте своего роскошного кабинета, на сорок втором этаже, на вершине мира. И беззвучно кричу. Кричу так, что трескаются кости, рвутся связки, лопаются сосуды в глазах. Кричу от ужаса осознания, что я сам, собственными руками, подписал себе смертный приговор.

Я свободен.

Господи, я свободен. Она так хотела... И что теперь? А теперь грызть собственные кости от сожаления. В моей жизни никогда не было и не будет такой женщины как Лена....

Глава 3

Дорога домой — не дорога. Это спуск в личный, персональный ад, по ледяным, крошащимся ступеням. Размытый, серый, бесконечный туннель, выскобленный из самой плоти мироздания. Я не помню, как вышла из больницы, как мое тело, этот послушный, выдрессированный механизм, донесло меня до парковки. Не помню, как села в эту промозглую металлическую коробку, ставшую моим саркофагом на колесах. Мое тело — биоробот. Руки, мертвой хваткой вцепившиеся в холодный пластик руля. Ноги, бездумно, с механической точностью давящие на педали. Автопилот, откалиброванный на единственную цель — эпицентр взрыва, который я несу с собой.

Мир за лобовым стеклом — акварель, по которой полоснули мокрой, грязной тряпкой. Огни встречных фар — слепящие, жестокие удары в расширенные зрачки, короткие вспышки чужой, безразличной жизни. В монотонном, утробном шуме двигателя мне чудится его смех — тот самый, низкий, с хрипотцой, от которого у меня когда-то подгибались колени. Радио, выключенное, мертвое, вдруг шепчет мое имя его голосом, интонацией, предназначенной только для меня: «Леночка-белочка... моё ты сокровище...». Я резко, с животной яростью, бью по панели. Пластик трещит. Тишина. Но она еще хуже. Она давит, высасывает воздух из легких, заполняет собой все пространство. В этой тишине живет он.

На пассажирском сиденье, в моей сумке, лежит приговор. Белый конверт. Смертный приговор для моей семьи, для восемнадцати лет моей жизни, для всего, во что я верила. Я не вижу его, но я чувствую, как он лежит там, словно кусок трупного льда, прожигающий дорожную кожу сумки, мою кожу, мою душу. Он фонит холодом. Он фонит смертью. Он фонит его запахом, смешанным с чужими, дешевыми духами.

Дом. Я паркуюсь у ворот, не сразу попадая в створ. Наш дом. Когда-то — моя крепость, моя гавань. Теперь — место преступления. Мавзолей, воздвигнутый на костях нашей любви. Я не хочу туда входить. Не могу. Сажусь в машину, вцепившись в руль, и смотрю на светящиеся окна. Желтые, лихорадочные глаза, которые смотрят на меня с немим укором. Там они. Мои девочки. Мои три единственные причины дышать. Три маленьких, отчаянно бьющихся сердца, которые я сейчас, собственными руками, вырву из их груди. Господи, дай мне сил. Нет. Бога нет. В операционной его нет, и здесь его тоже нет. Есть только я и мой скальпель.

Я выхожу из машины. Ноги — ватные, чужие, налитые свинцом. Каждый шаг по гравийной дорожке — хруст моих собственных костей. Дверь открывается с тихим, предательским щелчком. Тишина. Густая, вязкая, тяжелая. Она пахнет пылью, остывшим ужином и невысказанными проклятиями. Она пахнет концом света.

— Мама?

Голос Маши. Моей средней, моей совести. Она стоит в полумраке коридора, в дверях гостиной, тоненькая, хрупкая, как тростинка на ветру. В ее огромных, как у отца, глазах — вечная, вселенская тревога.

— Все хорошо? Ты... белая, как стена.

Я заставляю мышцы лица сложиться в подобие улыбки. Получается оскал. Гримаса боли.

— Устала. Очень. Позови сестер. Нам нужно поговорить.

Тревога в ее глазах мгновенно сменяется первобытным, животным ужасом. Она все поняла. Она всегда все понимает. Она молча кивает, как приговоренная, и ее силуэт растворяется в темноте.

Я вхожу в гостиную. Наш огромный камин — черная, холодная дыра, зияющая рана в сердце дома. Я стою посреди комнаты, как на плахе, под взглядами десятков фотографий на стенах — вот мы, счастливые, улыбающиеся мертвецы. Сумка в руках кажется неподъемной, набитой камнями. Я ставлю ее на журнальный столик. Пальцы не слушаются, застыли, окочен-

нели, как у трупа. Я заставляю их разжаться, залезть внутрь, нащупать этот ледяной, гладкий прямоугольник. Достая его. Кладу на полированную темную поверхность стола. Белое на черном. Надгробие на свежей могиле.

Они входят. Все трое. Моя жизнь. Мое проклятие. Мое искупление.

Анна. Семнадцать. Моя копия, мое зеркало, мое искаженное отражение. В ее глазах — холодная сталь, которую я сама в них и выковала. Вспышка. Ей пять. Она сидит у меня на коленях, и мы вместе читаем сказку про Герду и Кая. Ее светлые волосы пахнут клубничным шампунем и детством. «Мама, а Снежная Королева злая, потому что ее никто не любит?» Она смотрит на конверт, и ее губы, такие же, как у меня, сжимаются в тонкую, жесткую, безжалостную линию.

Мария. Четырнадцать. Хрупкая, нежная, с огромными, влажными глазами Игоря. В них — вечная мольба о мире во всем мире. Вспышка. Ей десять. Она приносит мне букет полевых ромашек, сорванных за домом. «Это чтобы ты не уставала, мамочка». Ее пальцы, перепачканные землей, осторожно касаются моей руки. Она смотрит на меня, и ее губы дрожат.

И София. Одиннадцать. Мой ангел. Мой самый страшный судья. Она не смотрит ни на меня, ни на конверт. Она смотрит в пол. В руках — плюшевый заяц с оторванным ухом, которого ей подарил отец. Вспышка. Ей три. Она спит у меня на руках после прививки, крошечная, теплая, доверчивая, ее дыхание — самое дорогое, что есть во вселенной.

Я смотрю на них, на три эти вселенные, которые я создала, и меня накрывает волна такой сокрушительной, убийственной нежности, что хочется упасть на колени и выть, раздирая горло.

— Девочки... — голос срывается, превращается в хриплый шепот. Я откашливаюсь. — Ваш отец... он подписал документы.

Молчание. Звонящее. Оглушающее. Такое бывает только в реанимации, когда аппарат ИВЛ перестает дышать.

Первой его нарушает Анна.

— НАКОНЕЦ-ТО! — слово — как выстрел в упор. В ее голосе — злорадное, страшное торжество. — Наконец-то этот ад закончится! Мы свободны! Он нас не достоин!

Она бросается ко мне, хочет обнять, прижаться, разделить свою победу. Но я отшатываюсь, как от прокаженной. Я смотрю на свою дочь и вижу в ней свою ненависть, дистиллированную, концентрированную, доведенную до абсолюта. Я вырастила воина. Я научила ее ненавидеть отца. И сейчас, глядя на ее горящие праведным гневом глаза, я прихожу в ужас от дела рук своих.

— Может... может, еще не поздно? — шепот Маши тонет в ярости Анны. По ее щекам уже текут слезы, крупные, тяжелые, как ртуть. — Мамочка, ну пожалуйста... Мы же семья...

— Нет, Маша! — жестко, как удар хлыста, обрывает ее Анна. — Семьи больше нет! Он разрушил ее, когда променял нас на свою шлюху!

— Не говори так! Он ошибся! Он еще вернется!

— Я знаю, что он предал маму! Предал нас! Я его ненавижу!

— А я его люблю! Он мой папа! И твой тоже!

Они кричат, и мир для меня сужается до их искаженных болью лиц. Звук становится глухим, вязким, как будто я под водой. Я не слышу слов, я вижу только два рта, извергающих боль. Мою боль. Мою ненависть. Мою несбывшуюся надежду. Мозг, привыкший ставить диагнозы, холодно, отстраненно констатирует: Острая стрессовая реакция у обеих. Тахикардия. Гипервентиляция. Риск перехода в паническую атаку у младшей. У меня — начало диссоциации. Я — врач, который не может помочь даже себе. Я — патологоанатом, вскрывающий труп собственной семьи.

— Я рада, что его больше не будет в нашей жизни! Рада! — визжит Анна, ее лицо багровеет.

— А я нет! Я хочу, чтобы он вернулся! Я буду молиться, чтобы он вернулся! — рыдает Мария, падая на колени.

— Дура! Ты такая же слабая, как...

— ПРЕКРАТИТЕ! ОБЕ!

Мой крик, похожий на рык раненого зверя, заставляет их замолчать. Он срывает обои со стен, он гасит свет. Я опускаюсь на диван. Сил нет. Ни одной капли. Пустота.

— Все кончено. Мы разводимся.

И тут я слышу тихий-тихий всхлип. Звук, от которого у меня останавливается сердце. София. Она стоит в стороне, маленькая, забытая всеми в этой буре. Она смотрит на белый конверт, и ее плечи мелко-мелко дрожат. Ее заяц падает на пол. Глухой, сиротливый стук. Я протягиваю к ней руку, умоляя без слов.

— Соня, иди ко мне, малышка.

Она делает шаг назад. От меня. Этот шаг страшнее любого крика, любого проклятия. Мой ребенок боится меня. Она качает головой, ее глаза полны такого взрослого, такого невыносимого горя. Разворачивается и молча, на цыпочках, как мышонок, спасающийся от кошки, бежит вверх, на чердак. В свое убежище. Туда, где ее не достанет моя война.

Я остаюсь сидеть. Анна, сжав кулаки до побелевших костяшек, уходит к себе, и хлопок ее двери звучит как выстрел. Мария, беззвучно рыдая, сползает по стене и убегает в свою комнату, оставляя на паркете мокрую дорожку. Я одна. В пустой, гулкой, мертвой гостиной. С белым конвертом на столе. Я победила. Я свободна.

Я смотрю на свои руки. Руки, которые спасают чужие жизни. Руки, которые держали моих новорожденных дочерей. Руки, которые час назад запускали сердце незнакомого мальчика, возвращая его матери. И вдруг с абсолютной, ледящей душу ясностью понимаю. Это не он. Это я. Я только что взяла молоток и разбила жизнь своих детей на три кровоточащих, неровных осколка. Я смотрю на свои руки. Руки хирурга. Руки спасителя. Руки убийцы.

И прощения этому нет. Никогда.

Глава 4

Прошел месяц. Или год. Или вечность. Время перестало существовать. Оно спрессовалось в одну бесконечную, серую, гудящую суточную смену. Я впаяла себя в эту больницу, как в саркофаг. Я замуровала себя в ее стенах, пропахших хлоркой, болью и смертью. Работа стала моим наркотиком, моим ядом и моим единственным антидотом.

Здесь все было просто. Логично. Есть тело. В нем — поломка. Моя задача — найти и устранить. Перерезанная артерия. Отекающий мозг. Отказавшие почки. Я режу, сшиваю, вливаю, откачиваю. Я — механик в мастерской человеческих тел. Я — бесстрастный бог, который не задает вопросов «за что?» и «почему?». Я просто делаю свою работу.

Потому что за стенами этой больницы, в моем собственном доме, который больше не был домом, я была бессильна. Там я не могла ничего исправить. Там кровоточили души, а не тела. И мой скальпель был бесполезен.

После той ночи, ночи, когда я принесла домой приговор, наш дом превратился в минное поле. Мы больше не разговаривали. Мы передвигались по нему, как три тени, стараясь не пересекаться, не встречаться взглядами. Тишина стала нашим языком. И она была оглушительнее любых криков.

Анна, моя маленькая воительница, возвела вокруг себя стену из цинизма и ненависти. Она перестала говорить об отце. Она просто вычеркнула его из своей жизни, из нашей жизни, с той же безжалостной решимостью, с какой я вырезаю опухоль. Она готовилась к экзаменам с остервенением камикадзе, словно знания могли стать броней от боли. Но по ночам я слышала, как она плачет в подушку. Тихо, подавленно, чтобы я не услышала. Чтобы не показать свою слабость. Моя девочка. Моя копия. Мое проклятие.

Мария превратилась в призрака. Она похудела, ее огромные глаза стали еще больше, в них застыл вечный, немой укор. Она стала моим ходячим зеркалом, в котором я видела только свою вину. Она больше не пыталась нас мирить. Она просто страдала. Молча. Глубоко. Разрушая себя изнутри.

А София... София перестала рисовать. Ее альбом, когда-то полный ярких, солнечных картинок нашей семьи, теперь лежал на чердаке, покрываясь пылью. Она почти не выходила из своей комнаты. Она жила в своем мире, куда мне не было входа. И ее молчание было самым страшным обвинением.

Я сбегала от них. Сбегала сюда, в этот ад, который был моим единственным раем. Я брала смены одну за другой. 36 часов. 48 часов. Я доводила себя до полного физического истощения, до того состояния, когда мозг отключается и остается только тело, работающее на чистых рефлексках. Сон был роскошью, которую я не могла себе позволить. Потому что во сне приходил он. Игорь. И я снова и снова переживала тот вечер, тот поцелуй, тот его голос за спиной: «С Леной все кончено».

Наркоз. Я жила под вечным наркозом из усталости, кофеина и чужой боли. Это было единственное, что спасало меня от моей собственной.

Игорь

Я не знал, что такое ад. Я думал, ад — это когда ты теряешь все. Я ошибался. Ад — это когда ты все потерял, но отчаянно, до кровавых соплей, пытаешься это вернуть, разбивая лоб о стену молчания и ненависти.

Первый месяц после ее подписи я был в прострации. Я пил. Я не ходил на работу. Я лежал в своей стерильной, пустой квартире и смотрел в потолок, пока он не начинал плыть перед глазами. Я упивался жалостью к себе.

А потом я понял. Она не вернется. Никто не придет и не спасет меня. И тогда во мне проснулась злость. Нет. Не злость. Ярость. Ярость утопающего, который готов утащить за собой на дно всех, кто оказался рядом.

Я решил бороться.

Я не знал, как. Я привык решать проблемы деньгами, связями, давлением. Я — бизнесмен. Я — стратег. Но я оказался полным, абсолютным профаном в стратегии любви и прощения.

Первый удар я нанес по самому больному месту — по Ане. Моя гордость. Моя копия. Мой самый яростный враг. Я звонил ей. Десятки раз. Она не брала трубку. Тогда я начал писать.

«Анечка, доченька, прости меня. Я был неправ. Я люблю вас больше жизни».

Ответ пришел через минуту. Одно слово.

«Сдохни».

Я смотрел на это слово, и меня трясло. Не от обиды. От бессилия. Я сам научил ее этой жестокости.

Тогда я решил зайти с другого фланга. Через Машу. Моя мягкая, моя добрая девочка. Моя совесть. Я знал, что она — мое слабое звено. И я ударил по нему со всей своей эгоистичной силой.

Я караулил ее после школы. Она испугалась, когда увидела меня. И этот ее испуг резанул меня по сердцу больнее, чем слово Ани.

— Машенька, не бойся. Это я, папа.

— Папа, мама не разрешает...

— Я знаю, котенок. Я просто хотел передать тебе. Для нее.

Я протянул ей бархатную коробочку. Там было кольцо. То самое, которое она хотела на нашу годовщину. Белое золото, россыпь мелких бриллиантов. Цена — как крыло от самолета. Я думал, что смогу купить ее прощение. Идиот.

Маша смотрела на коробочку, потом на меня, и в ее глазах стояли слезы.

— Папа, не надо. Ты делаешь только хуже.

Но я вложил коробочку ей в руки.

— Пожалуйста, дочка. Просто передай. Скажи, что я жду. Что я все исправлю.

Она кивнула и убежала, прижимая к себе эту проклятую коробку, как бомбу с часовым механизмом. Я смотрел ей вслед и чувствовал себя последней сволочью. Я только что втянул собственного ребенка в свою грязную войну. Я сделал ее предательницей в глазах матери и сестры.

Но я не остановился. Я позвонил Максиму, нашему общему другу, крестному Ани.

— Макс, ты должен мне помочь.

— Игорь, ты идиот, — ответил он без предисловий. — Я тебя предупреждал.

— Я знаю! Знаю, что идиот! Но я не могу без них! Я с ума сойду! Поговори с ней. Ты единственный, кого она станет слушать. Скажи ей, что я на все готов. На колени встану. Что угодно!

— Она не хочет с тобой говорить, Игорь. Она тебя ненавидит.

— Она меня любит! — заорал я в трубку, как безумный. — Любит! Иначе бы не страдала так!

Максим долго молчал. Потом вздохнул.

— Хорошо. Я попробую. Но я ничего не обещаю. Ты сжег все мосты, друг. Абсолютно все.

Я повесил трубку и впервые за месяц почувствовал что-то похожее на надежду. Гнилую, слабую, но надежду. Я запустил свои торпеды. Теперь оставалось только ждать, когда они достигнут цели.

Елена

— Сепсис. Полиорганная недостаточность. Шансов почти нет.

Мы стояли в ординаторской. На рентгеновских снимках, подсвеченных ледяным светом, чернели легкие пациента. Он умирал. Медленно, мучительно. И мы были бессильны.

— Мы можем попробовать экспериментальную схему антибиотиков. Но это риск. Печень может не выдержать, — голос Андрея Николаевича Сомова, заведующего кардиологии, был ровным, спокойным. Он никогда не повышал голос. Никогда не паниковал.

Андрей. Он появился в нашей больнице полгода назад. Перевелся из Москвы. Вдовец. Легенда кардиохирургии. И единственный человек в этой больнице, который смотрел на меня не как на «железную леди», а как на... женщину. Он не лез в душу. Не задавал вопросов. Но я чувствовала его взгляд на себе. Спокойный, внимательный, немного печальный. Взгляд человека, который тоже прошел через ад и выжил.

— Риск оправдан, — сказала я. — Хуже уже не будет. Давайте пробовать.

Мы боролись за эту жизнь двое суток. Плечом к плечу. Мы почти не спали, жили на кофе и адреналине. Мы спорили, ругались, искали решение. И в эти двое суток я впервые за долгое время почувствовала себя не одинокой. Я почувствовала рядом плечо. Надежное. Сильное.

Мы проиграли. Пациент умер на рассвете третьего дня.

Я сидела в своем кабинете, тупо глядя в стену. Поражение всегда ощущается как личная обида. Как собственная некомпетентность. Я не плакала. Я просто чувствовала чудовищную, вселенскую усталость.

Дверь тихо скрипнула. Вошел Андрей. В руках у него были две чашки дымящегося кофе. Он молча поставил одну передо мной.

— Спасибо, — прохрипела я.

— Мы сделали все, что могли, Елена Викторовна.

Он сел в кресло для посетителей. Мы молчали. И это молчание было другим. Не тем, что у меня дома. Не тяжелым, гнетущим, полным обвинений. А спокойным. Исцеляющим.

— Вы себя загоняете, — сказал он тихо, глядя не на меня, а на чашку в своих руках. — Так нельзя. Вы сгорите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.